

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы пятнадцатой
Всероссийской научной конференции*

Челябинск
2024

УДК 069.7:94(470.55)
ББК 79.1+26.89(235.55)
Г70

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Челябинской области

Редакционная коллегия:
В. Г. Демаков, И. Н. Козырева, Д. В. Чарыков, Е. М. Шумская

Г70 **Гороховские чтения** : материалы пятнадцатой Всерос. науч. конф. / ред.-
сост.: В. Г. Демаков, И. Н. Козырева. — Челябинск, 2024. — 336 с. : ил.

ISBN 978-5-905081-50-4

Сборник материалов пятнадцатой Всероссийской научной конференции «Гороховские чтения» посвящен 140-летию со дня рождения основателя и первого директора Челябинского краеведческого музея И. Г. Горохова и затрагивает вопросы социально-экономического развития Урала, формирования его научного и культурного потенциала; представлены материалы, знакомящие с биографиями уральцев, а также с традициями и инновациями музейного дела в регионе.

Адресован широкому кругу читателей: ученым, работникам музеев, краеведам, преподавателям и учащимся, а также всем интересующимся историей Южного Урала.

УДК 069.7:94(470.55)
ББК 79.1+26.89(235.55)

ISBN 978-5-905081-50-4

© Алексеев Н. А., Батищев С. Д. и др., статьи, 2024
© ОГБУК «Государственный исторический музей
Южного Урала», 2024

А. В. Ганин
Институт славяноведения РАН, г. Москва

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ГЕНЕРАЛА С. А. ЩЕПИХИНА

Аннотация. Статья посвящена отражению событий Гражданской войны на Урале в мемуарных текстах генерала С. А. Щепихина. Генерал Щепихин был очевидцем и участником описываемых событий, одним из руководителей Белого движения. Вместе с белыми за два года Гражданской войны он прошел путь от Поволжья до Забайкалья. Воспоминания хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и охватывают историю Белого движения на востоке России с лета 1918 по 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Восточный фронт, С. А. Щепихин.

Одним из ценнейших мемуарных источников по истории Гражданской войны на востоке России являются воспоминания генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина (01.10.1880 — 18.03.1948).

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера. Он родился в пос. Январцевском ст. Кирсановской Уральской области. Будучи выходцем из уральской глубинки, получил блестящее образование — окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по первому разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду (1908). Генералу довелось участвовать в трех войнах — Русско-японской, Первой мировой и Гражданской. В годы последней Щепихин занимал целый ряд важнейших постов в иерархии антибольшевистских сил на востоке России: являлся начальником штаба Уральской армии и войскового штаба Уральского казачьего войска, начальником полевого штаба Поволжского фронта, начальником штаба Западной армии, начальником снабжения Южной армии, начальником штаба 2-й армии, начальником штаба главнокомандующего Восточным фронтом, начальником штаба войск Российской восточной окраины¹. Таким образом, на протяжении 1918–1920 гг. он являлся одним из руководителей Белого движения на Востоке России, свидетельства которого особенно значимы.

Оказавшись в результате поражения белых в эмиграции в Чехословакии, Щепихин устроился служащим и заведующим переплетной и брошюровочной мастерскими Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгора), работал контролером в ресторане². Позднее занял должность бухгалтера в Русском заграничном историческом архиве в Праге (РЗИА; с 1925). Умер Щепихин после тяжелой болезни, похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

В период эмиграции Щепихин взялся за написание воспоминаний, чему способствовало то, что во время Гражданской войны он вел дневник. Генерал оставил обширное мемуарное наследие. Большая его часть была продана Щепихиным РЗИА, меньшая — Гуверовскому архиву. После Второй мировой войны рукописи из РЗИА попали в СССР, а ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде мемуариста.

К сожалению, вплоть до конца 1980-х гг. наследие Щепихина не было доступно исследователям по политическим причинам. Однако после открытия доступа к этим документам на протяжении нескольких десятилетий мемуары генерала слабо

использовались историками, прежде всего из-за трудночитаемого почерка Щепихина. Лишь в наши дни мемуары генерала стали активно вводиться в научный оборот. Уже увидели свет его воспоминания «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом», «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», «Конец Белого движения в Сибири», «Каппелевцы в Чите в 1920 году, или Японская интервенция», а также дневник под названием «Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–1920 годах»³.

Автором этих строк подготовлено к печати научное комментированное издание воспоминаний генерала, содержащее такие его крупные работы, как «Сибирь при Колчаке», «Конец Белого движения в Сибири» (эта рукопись прежде публиковалась с неточностями и без комментариев) и «Семеновщина»⁴. Воспоминания были написаны Щепихиным в 1930 г. Подготовка этих важнейших по содержанию рукописей Щепихина к публикации, которая включала сверку текстов и составление более 1200 комментариев к ним, позволила детально изучить мемуарное наследие генерала, в том числе записи о событиях Гражданской войны на Урале в 1918–1919 гг., и сделать некоторые наблюдения.

На страницах воспоминаний Щепихин много внимания уделял процессу консолидации антибольшевистских сил, который шел очень сложно. Разрозненным противникам красных удалось договориться между собой лишь осенью 1918 г., когда части РККА переломили ситуацию на фронте и успешно наступали в Поволжье, а белые стали отходить на восток. По мнению Щепихина, договоренности были достигнуты лишь под нажимом чехословаков⁵. По итогам Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 г. было создано правительство Директории, объединявшее антибольшевистские силы востока России. Однако позднее оно было свергнуто правыми силами в результате омского переворота 18 ноября 1918 г., когда к власти пришел адмирал А. В. Колчак.

Сложными были отношения и между различными белыми формированиями, ориентировавшимися на своих вожаков и не желавшими признавать никого другого. Так, казачьи атаманы не поддерживали друг друга в общей борьбе. Много внимания в этом отношении Щепихин уделил своему однокашнику по кадетскому корпусу, военному училищу и Николаевской академии Генерального штаба оренбургскому атаману А. И. Дутову, который недостаточно помогал, по мнению Щепихина, своим соседям — уральским казакам. Вместе с тем у самого Дутова не было переизбытка сил, чтобы помогать другим. Тем более что потом, в случае угрозы территории самих оренбургских казаков, было трудно вернуть отправленные части назад.

Достаточно подробно у Щепихина освещено противостояние эсеров и колчаковцев, развернувшееся после омского переворота. Щепихин находился в Уфе, которая была одним из центров противоборства и где находился Совет управляющих ведомствами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Мемуарист пишет о формировании русско-чешских частей, которые фактически представляли собой вооруженные силы партии эсеров. Описывает он и деятельность полковника Ф. Е. Махина — приверженца эсеров, и гибкую позицию генерала С. Н. Войцеховского в отношении Совета управляющих ведомствами (в дальнейшем генерала в этой связи подозревали в симпатиях к эсерам). Эсеры тогда потерпели поражение, а многие их представители подверглись арестам. Отыгрались они год спустя, в период развала белого Восточного фронта, подняв антиколчаковские восстания в Сибири.

Щепихину мастерски удавались психологические портреты своих сослуживцев. Разумеется, эти характеристики пристрастны и субъективны, но этим они и ценны. Много места в воспоминаниях уделено личности генерала В. О. Каппеля. Щепихин не только высоко ценил своего боевого товарища, но преклонялся перед ним и его памятью. Не меньшего внимания удостоился друг мемуариста генерал С. Н. Войцеховский, бок о бок с которым Щепихин служил в 1918–1920 гг. Войцеховского Щепихин считал энергичным и искусным в Гражданской войне⁶. С уважением Щепихин отзывался о генерале М. К. Дитерихсе, контр-адмирале Г. К. Старке, полковнике Ф. Е. Махине. Несколько иронично описан Верховный главнокомандующий правительства Директории генерал В. Г. Болдырев. Резко критически Щепихин писал об атамане А. И. Дутове. Представляют интерес характеристики известных белых генералов востока России Г. А. Вержбицкого, Р. Гайды, В. В. Голицына, М. К. Дитерихса, Д. А. Лебедева, Н. А. Лохвицкого, А. Н. Пепеляева, К. В. Сахарова, Н. Т. Сукина, М. В. Ханжина, атамана

Г. М. Семенова, британского военного представителя генерала А. Нокса, чехословацкого генерала С. Чечека, авантюриста Б. Солодовникова и многих других. Лебедева и Сахарова Щепихин считал виновниками неудач белых⁷. Сильнее всего доставалось начальнику штаба Колчака Лебедеву⁸.

Командующий Сибирской армией генерал Р. Гайда, по оценке Щепихина, «человек случая, но совершенно безграмотный в военном деле»⁹. Щепихин иронизировал над непомерным наполеоновским самомнением колчаковских военачальников:

Каждый бывший самостоятельный партизан ныне начдив или комкор — все эти Вержбицкие, Голицыны — считают себя в миниатюре Наполеонами. Скрутить их, приучить к регулярности можно исподволь, а теперь приходится мириться с тем, что есть¹⁰.

Правда, соответствующие оценки мемуарист распространял и на себя:

Мы все были в Гражданскую войну в известном роде вундеркинды, так как в царской армии невиданно было, чтобы 35–38-летний генерал был начальником штаба армии, командиром корпуса, но все же у большинства был опыт или Великой войны, или Гражданской¹¹.

Вместе с тем масштаб операций белых был невелик — воевали отдельные отряды вдоль железных дорог, поэтому больших стратегических талантов от военачальников, как писал сам Щепихин, не требовалось. В отношении К. В. Сахарова, «в полгода вознесшегося из неизвестности... к посту главнокомандующего»¹², имели место и личная неприязнь (Сахаров занял должность Щепихина в штабе Западной армии), и, быть может, ревность к менее талантливому однокашнику, носившему с детства прозвище «бетонная голова». Щепихин уделил особое внимание критическому разбору известных мемуаров Сахарова «Белая Сибирь».

Другой заметный белый военачальник, генерал Н. Т. Сукин, по мнению Щепихина, не был подготовлен к Гражданской войне, не отличался инициативностью, а ориентировался на стандарты прежних времен, в том числе по части снабжения войск¹³. В адмирале А. В. Колчаке мемуаристу запомнилась обреченность. А такой видный деятель Белого движения на востоке России, как генерал М. К. Дитерихс, поразил Щепихина тем, что под влиянием событий Гражданской войны ударился в религию и мистицизм, мечтал о крестовых походах против большевиков под религиозными лозунгами¹⁴. Была и еще одна категория командиров. В смутное время появилось множество авантюристов и психически больных людей. Когда такие люди получали власть, последствия могли быть плачевными. Тем более что ожесточение сторон нарастало. Так, командовавший воткинскими частями полковник Г. Н. Юрьев, по свидетельству Щепихина, являлся садистом, хладнокровно убивавшим пленных при задушевных беседах с ними¹⁵.

На страницах воспоминаний рассказывается и об интригах в высшем командном составе белых. Например, о том, как полковнику Д. А. Лебедеву в конце 1918 г. удалось устранить своего соперника на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А. И. Андогского в результате опроса Колчаком мнений старших начальников по поводу кандидатуры А. И. Андогского, ранее служившего у красных¹⁶. Андогский оказался не только устранен, но и ошельмован. Лишь через несколько месяцев справедливость была восстановлена.

Немало критических суждений мемуариста досталось союзникам белых, которые оказывались порой бесполезны на фронте. Интересно описание поведения чинов французской артиллерийской батареи: французы требовали себе комфортных, по меркам российской Гражданской войны, условий (например, выдавать им горячий шоколад), но при этом не произвели ни одного выстрела по противнику¹⁷.

Особое внимание Щепихин уделил чехословакам. Быть может, столь пристальный интерес связан с тем, что сам генерал в эмиграции жил в Чехословакии. Щепихин признавал решающий вклад восстания Чехословацкого корпуса весной — летом 1918 г. в создание антибольшевистского Восточного фронта. Чехословацкую военную помощь белым он оценивал как значимую вплоть до конца 1918 г., но возмущался уходом чехов с фронта и нежеланием воевать. Генерал констатировал, что чехи, в отличие от русских войск и населения, были прекрасно всем обеспечены, везли с собой огромные запасы,

а чешские офицеры перемещались в салон-вагонах, что возбуждало ненависть белых. Мемуарист свидетельствовал, что среди чехословацких войск наряду с заслуживавшими уважения офицерами и солдатами были спекулянты. Неслучайно возникла частушка: «Русский с русскими воюют, чехи сахаром торгуют». Перед читателями проходит целая портретная галерея чехословацких офицеров, среди которых были и рвачи, и искавшие славы авантюристы, и те, кто душой болел за успех борьбы с красными. К последней категории относился полковник Й. Швец, покончивший с собой в октябре 1918 г. из-за деморализации своих солдат. Его личности Щепихин посвятил много проникновенных строк. Человеком совсем иного склада был перешедший на службу в русскую армию генерал Р. Гайда, который ни с кем не считался, постоянно противопоставлял себя тыловым генералам и устраивал скандалы из-за проблем с обеспечением его войск.

Щепихин не раз обращал внимание на проблему комплектования белых армий. Весеннее наступление белых в 1919 г. на Восточном фронте готовилось при отсутствии достаточных резервов и уже вследствие этого представляло собой авантюру: за фронтом Западной армии «далее на восток до самого Омска хоть шаром покати, — ни одного полка и мало вероятности получить что-либо в ближайшие месяцы»¹⁸. Личный состав белых в период боев весной 1919 г. делился на три группы: добровольцы, мобилизованные с подконтрольных белым территорий, а также пленные красноармейцы. Наибольшую боевую ценность представляли добровольцы, которых было мало, и возникал вопрос, как эффективнее распорядиться этим ценным кадром — распределить по войскам или держать сосредоточенно. Мобилизованные были намного менее мотивированы. Пополнения же малонадежными и немотивированными пленными вели к ослаблению белых формирований и их развалу. Опытных офицеров катастрофически не хватало. В 63-тысячной Западной армии к середине апреля 1919 г. было лишь 138 кадровых офицеров и 2548 офицеров военного времени¹⁹. На имевшихся ресурсах белое командование рассчитывало достичь рубежа Волги, не задумываясь о дальнейшем развитии операций. «Волга должна быть занята смаху», — писал генерал²⁰. Неслучайно наступление с легкой руки военных специалистов РККА И. И. Вацетиса и Н. Е. Какурина позднее стали именовать «бегом к Волге». При этом не учитывалось состояние войск противника — Красной армии, усиливавшейся с каждым месяцем. Тот же Щепихин сетовал на наличие у красных мощных пополнений, что позволило им сорвать белое наступление и перехватить инициативу.

Чрезвычайно ценно свидетельство Щепихина о планировании белым командованием весеннего наступления на советский центр²¹. В конце 1918 — начале 1919 г. обозначился перекосяк в успехах на фронте: на правом фланге Сибирская армия генерала Гайдуса сумела занять Пермь, тогда как на левом фланге (Отдельная Оренбургская армия) положение лишь ухудшалось. В центре фронта также было неблагополучно — красные заняли Уфу и теснили белых на Урал. Из Уфы Щепихин уехал в Челябинск, где разместился штаб Западной армии генерала М. В. Ханжина. Здесь ему предстояло сформировать штаб армии и наладить его дальнейшую работу. Вероятно, ошибочным было создание трех отдельных армий — Сибирской, Западной и Отдельной Оренбургской, — действовавших на едином фронте. В результате единства действий у этих армий и их командующих не было.

Март 1919 г. для начала наступления белых был наиболее оптимален по природным условиям и по состоянию войск РККА, но командование Западной армии белых считало такой срок нереалистичным и предлагало наступать в мае, когда закончится весенняя распутица, а войска смогут лучше подготовиться²². Подобное предложение в условиях быстро менявшейся обстановки Гражданской войны выглядело странным — к маю 1919 г. красные неизбежно перехватили бы инициативу и отбросили белых далеко на восток. Генерал сам себе противоречил, так как отмечал, что «в Гражданскую войну оборона, тягучесть боя, упругость воинских частей почти исключены; войска Гражданской войны как велосипедисты — устойчивы только в движении вперед»²³. Тем не менее именно преждевременное начало наступления Щепихин считал главной причиной неудачи операции.

Конкретные шаги по планированию наступления белым командованием выглядели как импровизация. Восьмого февраля 1919 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А. В. Колчак отправился в поездку на фронт²⁴. Десятого

февраля он прибыл в Челябинск, где на следующий день состоялось совещание высшего военного руководства белого Восточного фронта, на котором обсуждался стратегический план предстоявших операций, в том числе предполагавшегося наступления фронта.

На совещании присутствовали: Колчак, командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, командующий Западной армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин, командующий Отдельной Оренбургской армией генерал-лейтенант А. И. Дутов и начальники штабов Западной и Сибирской армий С. А. Щепихин и генерал-майор Б. П. Богословский. Если верить изложению Щепихина, февральское совещание дало незначительный результат, поскольку не приехавший на него начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев давно уже принял свой собственный план предстоявшей операции, который Колчак должен был заставить принять и командующих армиями, а все командующие — и Гайда, и Ханжин, и Дутов — имели собственные планы действий и руководствовались ими без должной координации с соседями. Щепихин с грустью писал о тройке командармов, в которой у каждого коня свой кучер²⁵. Ситуация осложнялась постоянным соперничеством между соседями: Гайдой и Ханжиным, Ханжиным и Дутовым²⁶. Щепихин в своих мемуарах оставил единственное подробное свидетельство о совещании.

Сконцентрировать все первоначально намеченные для нанесения удара войска в Западной армии, не растягивая их по фронту, и скоординировать наступление с соседними армейскими объединениями не удалось. Об этом же свидетельствовал и Щепихин, по оценке которого группировка белых армий не соответствовала идее главного удара на участке Западной армии, так как сильной была и Сибирская армия Гайды. Наступать же на участке армии Гайды можно было лишь на Котлас, что не представлялось перспективным, так как это было направление «по дремучим, малонаселенным лесисто-болотистым пространствам»²⁷. В просчетах Щепихин обвинял Ставку в Омске.

Щепихин был разработчиком плана наступления Западной армии, что делает его свидетельства особенно значимыми. В канун наступления эта армия не имела резервов, без чего невозможно представить успешную операцию такого уровня. Первый Волжский армейский корпус В. О. Каппеля, считавшийся резервом Ставки, еще не закончил формирование. Спасти ситуацию, как полагал мемуарист, могла переброска в резерв двух-трех дивизий из Сибирской армии, но этого сделано не было. Система пополнений также не отличалась эффективностью. Предстоявшая весенняя распутица грозила задержать войска, не дав им быстро достичь рубежа Волги. Генерал стремился донести до читателей замысел разработанной им операции, которая успешно началась в марте 1919 г., но затем забуксовала. Как отмечал Щепихин, Ставка не установила расчетов наступления даже на первую неделю.

Не был продуман и сбалансирован по фронту состав войск. Так, например, важная для Гражданской войны конница, которой белые располагали в большом количестве благодаря многочисленным казачьим войскам, оказалась практически не использована или использовалась предельно неэффективно. Конные части концентрировались в казачьих по своей основе Отдельной Уральской и Отдельной Оренбургской армиях (по существу, в районах их мобилизации) на левом фланге общего фронта, тогда как другие армии были практически лишены конницы. При этом армия Дутова была крайне слабой. Щепихин считал, что «по существу, Дутов со своей псевдоармией — мыльный пузырь, и левый фланг Западной армии на весу»²⁸. Генерал отмечал, что «с наслаждением отдал [бы] одну из регулярных дивизий в обмен на дивизию конную, хотя бы и без артиллерии, уральских казаков»²⁹. Войска белых не отличались устойчивостью, а наладить дисциплину было практически невозможно. Наступление истощило войска, а пополнений не прибывало. Настроение личного состава усугублялось плохим снабжением. Личный состав знаменитой Ижевской отдельной стрелковой бригады массово самовольно оставил фронт, после того как белые заняли Ижевск, так как командовавший Западной армией генерал М. В. Ханжин неосторожно пообещал ижевцам после этого события отпуск домой. К маю в Ижевской бригаде осталось только 452 штыка из прежнего состава³⁰. Пополнения поступали плохо обученными и сдавались в плен.

Западная армия должна была выйти на Волгу на участке Самара — Симбирск. Первоначальный удар наносился в направлении Уфы, борьбе за которую в марте

1919 г. Щепихин уделил большое внимание на страницах воспоминаний. Как он свидетельствовал, после своих успехов конца 1918 г. на уфимском направлении красные не ожидали, что именно там белые нанесут решающий удар весной 1919 г.

В период весеннего наступления развернулось соперничество между командованием белых армий, внутри Западной армии и между командирами корпусов. Так, генералы В. В. Голицын и Н. Т. Сукин оспаривали друг у друга честь взятия Уфы. Неважно обстояло дело с дисциплиной и субординацией. Генералы В. В. Голицын, В. Д. Космин и Н. Т. Сукин, по оценкам Щепихина, были постоянными нарушителями дисциплины. Командир III Уральского армейского корпуса генерал В. В. Голицын регулярно конфликтовал со штабом Западной армии. Сложно складывались взаимоотношения штаба Западной армии со Ставкой генерала Д. А. Лебедева. Последнего Щепихин буквально ни в грош не ставил, что неизбежно сказывалось на взаимодействии.

Наступление практически сразу пошло не по плану. Хотя Уфа была взята белыми еще 13 марта 1919 г. (причем красные не успели взорвать стратегически важный мост через р. Белую), борьба вокруг этого центра затянулась и задержала Западную армию до конца марта (5-я армия красных отходила от Уфы в расходящихся направлениях — вдоль Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железных дорог, а также по Стерлитамакскому тракту, а белые безуспешно пытались ее окружить), причем задействовали даже резервы. В результате был потерян темп наступления. Западная армия должна была далее наступать на Бугульму, Белебей и Бугуруслан. Белебей белые заняли 7 апреля, Бугульму — 11 апреля, Бугуруслан — 15 апреля. Отдельная Оренбургская армия А. И. Дутова была нацелена на взятие Оренбурга как столицы оренбургских казаков, но все попытки штурма города в апреле и мае 1919 г. успехом не увенчались. Сибирской армии Р. Гайды в апреле была поставлена задача преследовать красных, прижимая их к р. Вятке, а также выйти на линию Котельнич — Казань³¹. Войска Гайды 7 апреля взяли Воткинск, 10 апреля — Сарапул, 13-го — Ижевск. Даже по советским оценкам, к середине апреля 1919 г. на Восточном фронте для красных создалось угрожающее положение — возник 150-км разрыв между 5-й и 2-й армиями, белые получили возможность свободно наступать к северу от Бугульмы и до Камы. Выход белых к Волге грозил тяжелыми последствиями для 5-й и 1-й армий красных³².

Однако к апрелю 1919 г. стало ясно, что скоординированного наступления белых армий не получается, каждая из них действовала самостоятельно. До весеннего половодья колчаковские армии к Волге не вышли, боевые части оторвались из-за распутицы от своих тылов, а их наступательный порыв в основном оказался исчерпан. К тому же красные сосредоточили в районе Бузулука мощный кулак для нанесения контрудара и 28 апреля перешли в контр наступление. В мае обстановка на фронте изменилась в пользу красных, и Западная армия начала отступать к Уфе. Не помогло белым и введение в бой резерва — I Волжского армейского корпуса, который в считанные дни был потрепан частями РККА и частично перешел к красным. Воспоминания о весеннем наступлении белых армий завершаются эпизодом со снятием Щепихина с поста начальника штаба Западной армии и заменой его генералом К. В. Сахаровым.

В одной из своих работ Щепихин привел объяснение причин неудачи наступления Западной армии из разговора с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Д. А. Лебедевым:

«Главная причина, — отвечаю, — не хватило пороха: не было резервов; корпус Каппеля прибыл поздно и по частям; состав не всегда был на высоте!.. Вот главные!»

Мне не хотелось долго беседовать, так как, во-первых, Лебедев лучше меня должен был знать причины, во-вторых, чувствовалось, что вопрос задан так, для разговора на пять минут...³³

Генерал пытался разобраться в причинах неудачи и будто бы вновь разыгрывал сражения 1919 г., стараясь представить, как можно было добиться успеха и что было сделано неверно. Он полагал, что белые плохо учитывали специфику подконтрольного им населения, одни группы которого с готовностью шли бороться с красными (уральские казаки, ижевцы и воткинцы), а другие, наоборот, от этого уклонялись (сибирские казаки). Щепихин предполагал, что в целом неверно был выбран район борьбы с опорой на Сибирь, из-за чего население белых не поддержало³⁴. Случившееся упрощенно виделось генералу следующим образом:

Кучка интеллигентов, далеко не спевшихся между собой и враждовавших, решили возглавить движение и объявить поход из глухой, даже не провинции, а колонии против метрополии. Результаты получились плачевные...³⁵

Действительно, неравенство борьбы слабых во многих отношениях белых окраин с высокоразвитым красным центром в Гражданскую войну являлось одной из причин неудачи Белого движения.

По мысли Щепихина, не из Сибири и тем более не с Дальнего Востока могло прийти освобождение от красных. Генерал полагал, что сибиряки не любили пришлый элемент, в связи с чем плохо отнеслись к появившимся в их краях белым из других регионов. Сложно сказать, насколько справедливы такие суждения. Впрочем, предлагавшаяся Щепихиным постфактум в качестве альтернативы для белых ставка на богатое Заволжье не выглядит реалистичной.

Мемуарист отдавал должное достижениям красных и в то же время критически оценивал белых. Например, отмечал широкие карьерные перспективы в РККА, где можно было из простых красноармейцев выслужиться в крупные начальники. Также он высоко оценивал роль РКП(б) и института военных комиссаров в победе красных³⁶. Советского военачальника В. К. Блюхера он назвал искусным³⁷. Легендарный начдив В. И. Чапаев, по оценке Щепихина, «дерзкий и не без таланта»³⁸. Похвалы удостоился и командующий советским Восточным фронтом бывший полковник С. С. Каменев³⁹. И несмотря на явную неприязнь и антисемитизм, Щепихин хвалит даже председателя Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкого: «Прав был этот талантливый еврей; тысячу раз прав»⁴⁰. Троцкого Щепихин считал энергичным⁴¹.

Очевидными причинами поражения белых были их разобщенность и центральное положение красных, позволявшее РККА действовать по внутренним операционным направлениям, в том числе благодаря более густой сети железных дорог. Красные также располагали Волгой для переброски войск и снабжения. Среди других причин неудачи белых — превосходство красных в отношении военной промышленности. В числе виновников поражения Щепихин называл чехословаков, проявлявших, по его мнению, в своих действиях эгоизм. Другой серьезной проблемой были восстания в тылу и сибирские партизаны, которых мемуарист именовал не иначе как бандитами. Отмечал мемуарист и безразличие населения к идеям белых. В целом мотивация белых, исключая добровольческое ядро, была невысока. Оренбургские казаки в своих полках, по оценке мемуариста, пьянствовали и бездельничали, а при первом удобном случае расходились по станицам⁴². Оставляла желать лучшего и дисциплина. Сильно мешало белым политиканство их лидеров, предпочитавших вместо работы по организации армии борьбу с политическими противниками в тылу. Щепихин писал о недалёковидности политики белых. Например, когда следом за войсками на места возвращались прежние помещики в офицерской форме. Тогда «песенка всего белого предприятия, — как писал генерал, — была спета»⁴³. А чего стоила позорная сцена аудиенции башкирских представителей у Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, в ходе которой последний заявил, что не даст башкирам ни одной винтовки и ни одного патрона, пока те не выдадут своего лидера А.-З. Валидова⁴⁴.

Немало проблем у белых было в организации тыла и снабжения. Щепихин приводил вопиющий случай, когда награбленное III Уральским армейским корпусом генерала В. В. Голицына составило целый эшелон. Контрабанду с Дальнего Востока возил генерал П. П. Иванов-Ринов⁴⁵. При воинских частях перемещались целые вагоны с товарами для спекуляции⁴⁶. Главный начальник военных сообщений генерал В. Н. Касаткин был даже предан военно-полевому суду за то, что закрывал глаза на хищения.

При всей субъективности и многословности воспоминания генерала Щепихина являются важным свидетельством высокопоставленного деятеля Белого движения, проливающим свет на многие вопросы истории Гражданской войны на востоке России, включая события на Урале в 1918–1919 гг.

Примечания

- ¹ Подробнее о его жизни и деятельности см.: *Ганин А. В.* «Роль, выпавшая на мою долю... далеко не рядовая...»: генерал-майор С. А. Щепихин и его мемуарное наследие // *Щепихин С. А.* Сибирский Ледяной поход: воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 6–45.
- ² ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.
- ³ *Щепихин С. А.* Указ. соч. ; *Он же.* Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом / подгот. публ. Д. Ю. Дубровина. М., 2021 ; *Он же.* Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года) // Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. С. 93–287 ; *Он же.* Конец Белого движения в Сибири. СПб., 2022 ; Великий Сибирский Ледяной поход / сост.: В. Ж. Цветков, А. А. Петров. М., 2023. С. 60–103, 201–233, 334–360, 481–524, 727–765.
- ⁴ *Щепихин С. А.* Воспоминания 1918–1920 гг. / под ред. А. В. Ганина. М., 2024 (в печати).
- ⁵ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
- ⁶ Там же. Л. 86.
- ⁷ Там же. Д. 7. Л. 3 об.
- ⁸ Там же. Д. 8. Л. 46.
- ⁹ Там же. Л. 57 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 47 об.
- ¹¹ Там же. Л. 46 об.
- ¹² Там же. Л. 100.
- ¹³ Там же. Л. 80.
- ¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 65 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 61.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии, 1914–1922. М., 2014. С. 270–283.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 39 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 71 об.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 87. Л. 11 об. — 12.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66.
- ²¹ Подробнее о подготовке, осуществлении и неудаче наступления белых на Восточном фронте см.: *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 251–288.
- ²² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 66 об.
- ²³ Там же. Л. 88 об.
- ²⁴ Правительственный вестник. Омск, 1919. 11 февр.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 78 об.
- ²⁶ Подробнее об этом см.: *Волков Е. В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 103, 126–128 ; *Петров А. А.* Генерал-лейтенант Р. Гайда // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 674.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 69 об.
- ²⁸ Там же. Л. 66 об.
- ²⁹ Там же. Л. 69.
- ³⁰ *Плотников И. Ф.* Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.) : энцикл. и библиография. Екатеринбург, 2007. Т. 1. С. 149–150.
- ³¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 58. Л. 151 об.
- ³² *Болтин Е. А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949. С. 37.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 ; *Щепихин С. А.* Южная армия Восточного фронта ... С. 96.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 9. Л. 74 об.
- ³⁵ Там же. Л. 75.
- ³⁶ Там же. Д. 8. Л. 98 об. — 99.
- ³⁷ Там же. Л. 15 об.
- ³⁸ *Щепихин С. А.* Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 196.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 85 об.
- ⁴⁰ Там же. Д. 10. Л. 31.

⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 73 об.

⁴² Там же. Л. 52.

⁴³ Там же. Л. 59.

⁴⁴ Там же. Л. 54.

⁴⁵ Там же. Л. 49 об.

⁴⁶ Там же. Л. 49.